

Обратимся ко Льву Николаевичу Толстому. В «Анне Карениной» не впервые поднимается тема пути, ведущего женщину к смерти. Совершенно очевидно, что Толстой, когда работал над «Анной Карениной», помнил о «Грозе» Александра Николаевича Островского. Жизненный путь не просто идёт в тупик, а сужается и не оставляет ни миллиметра, вталкивает женщину, бросившую вызов окружающему миру, в смерть. Только у Толстого не паровоз, а именно паровоз, и мы помним финал, когда Анна бросает своё тело в узкую прорезь между перроном и страшным, беспощадным, давящим существом, которое оказывается поездом. «Боже мой, куда мне?» — всё дальше и дальше уходя по платформе, думала она». И тут мы вспоминаем, что сам Лев Николаевич кончил свою жизнь не где-нибудь, а именно на железнодорожной станции. «Боже, куда мне?» — очень важный лейтмотив.

Железная дорога, которая ведёт нас прямо и вроде бы к какой-то цели, вдруг связывается с темой конца, с отсутствием цели и движения, с прекращением жизни и всех возможностей. На это тут же откликается консервативная мысль. Константин Леонтьев пишет знаменитый очерк «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни». Тут протест не против железных дорог как таковых, но против слишком быстрого движения жизни. «Опасно, как бы земля не стала походить на всемирную паутину», то есть железная дорога — прямая, ведущая к цели — вдруг превращается в образ опутывающего весь земной шар пути, а шар, действительно, даёт нам кольцевое движение. Мы движемся из ниоткуда в никуда.

Блоковское «Под насыпью, во рву некошенном, // Лежит и смотрит, как живая, // В цветном платке, на косы брошенном, // Красивая и молодая» — проекция Анны Карениной, уже ушедшая в народ. Стихи о железной дороге как источнике гибели — это путь туда, где нет пути. Путь к поражению.

Железная дорога играет огромную роль в творчестве Пастернака. Вслушайтесь в ритм одного из самых поразительных и светлых его стихов о преображении:

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановую
От занавеси до дивана.
Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома посёлка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.*

Это же ритмический отклик блоковского стихотворения вовсе не о вечной жизни, а о вечной смерти: «Вставали сонные за стёклами // И обводили ровным взглядом // Платформу, сад с кустами блёклыми, // Её, жандарма с нею рядом...» Если мы поставим эти строки рядом, то увидим, как слова о вечной жизни служат ответом на слова о вечной гибели.

Самый «железнодорожный» роман в истории русской литературы — «Доктор Живаго». У Толстого этим всё заканчивается, а у Пастернака тут всё начинается, продолжается и завершается, потому что тема романа — это человеческое предназначение, человеческий путь как веер возможностей. Железная дорога и трамвайная колея... Это путь, который даёт нам возможность пойти, куда мы хотим, или путь, который проложен раз и навсегда, и с этого пути не свернуть, можно только спрыгнуть? Несомненно, что на противопоставлении вольного человеческого пути, к которому каждый из нас призван, и незыблемости рельсов, по которым движется наш жизненный путь, здесь строится всё. Начиная от жизни Юрия Живаго, который обречён, и заканчивая стихами в конце романа, где эта обречённость преодолевается. Только в творчестве человек обретает полную свободу, а жизнь — это рельсы. Начинается роман с того, что отец Юрия Живаго погибает, бросившись под поезд, а завершается тем, что умирает в движущемся трамвае сам Юрий Андреевич. Колея проложена, и выйти за её пределы можно только через творчество и, в общем, более ни через что.

У Пастернака есть предшественник, создающий образ дороги, колеи, из которой можно выскочить только чудом или в мир фантастики. Стихотворение, оказавшее огромное влияние на всю русскую поэзию и литературу XX века, — «Заблудившийся трамвай» Николая Гумилёва — связано с ощущением того, что революция сбила нас с пути, но она же нас на него возвращает.

*Шёл я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.
Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.
Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.*

Тот самый образ колеи, за пределы которой выскочить невозможно, но можно либо остановить, либо сделать то, что происходит с трамваем у Гумилёва, — перенаправить его из горизонтали в вертикаль — вознестись в вечность из дня сегодняшнего и купить билет в Индию Духа.

*И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.
Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.*